ЕГОР ПЕРЕВЕРЗЕВ

egorpereverzev@gmail.com

КИТАЙ: РЕКОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ В ИДЕОЛОГИИ И КУЛЬТУРЕ

Возрождение научного интереса к вопросам китаеведения в современной России представляется явлением не только адекватным структуре современной геополитики, но и симптоматичным с точки зрения характера этапов развития обоих государств – России и Китая. С одной стороны, причиной этому представляется происходящее на сегодняшний день активное возобновление политических связей, существовавших между двумя государствами в советскую эпоху, с другой – очевидным представляется наличие определенного разрыва между активным интересом к Китаю в России и масштабами его удовлетворения за счет трудов классических и современных отечественных исследователей. Современная китаистика в России переживает ренессанс и сталкивается с рядом проблем, порождённых, в первую очередь, сменой политических, экономических и культурных реалий по обе стороны российско-китайской границы.

Как отмечает в статье «Большая политика Китая и место в ней России» Я.М. Бергер, «*через два-три десятилетия Китай по масштабам своей экономики превзойдет прочие страны (возможно за исключением США) и займет на планете то место, которое принадлежало ему до середины XIX в.*» (Бергер, 2006: 134). Большинство обозревателей разделяют мнение о том, что «*на настоящий день практически ни у кого не вызывает сомнения выход на международную арену нового игрока «первого уровня» - Китая. Китай находится сегодня на стадии «взлета»*» (Торкунов, 2001: 6). Значительные усилия с обеих сторон были направлены на преодоление сложившейся ситуации и выхода на новый уровень развития (проведение культурных и информационных мероприятий в рамках годов России в Китае и Китая в России – яркий тому пример), который позволил бы российско-китайским отношениям переместиться из сферы политических игр в сферу экономического хозяйствования и совместного ведения бизнеса.

Тем не менее, как справедливо отмечает Я.М. Бергер, «*в китайско-российском стратегическом сотрудничестве политическое партнерство все еще значительно преобладает над торгово-экономическим*» (Бергер, 2006: 135). Относительно идеи данной статьи подобное состояние российско-китайского диалога свидетельствует о том, что качественное понимание китайских внутриполитических и внешнеполитических реалий, идеологии и культурно-исторической детерминированности было, есть и в ближайшем будущем будет гарантом успешности отношений во всех без исключения сферах партнёрства.

В свете ситуации, сложившейся на сегодняшний день в российском китаеведении, наблюдается рост интереса к вопросам традиционной китайской

философии, а также вопросам взаимодействия традиционных культурно-философских концептов в структуре социальных институтов социалистически-ориентированного строя КНР.

Проблемное поле исследовательского интереса к вопросам функциональности и интегрируемости традиционных философских концептов в институциональное социально-идеологическое пространство современного Китая характеризуется чрезвычайной широтой. Интегрирующим элементом соответствующей программы последовательного изучения релевантных вопросов, представляется в данном случае идея обусловленности политического дискурса концептуальными элементами официальной культуры. Под *официальной культурой* предлагается рассматривать исторически сформированную, закрепленную в определённом языке и поддерживаемую государством систему норм, ценностей и поведенческих схем, обусловливающую поведение индивидов и социальных групп. Изучение влияния официальных культур на структуру международных отношений внутри геополитических регионов и далее в мировом масштабе представляет перспективы в решении проблем межгосударственной межкультурной коммуникации, межкультурного взаимодействия, межрегиональных конфликтов. Решение задач, связанных с данной проблематикой позволяет, на наш взгляд, не только определить методологические перспективы исследования социально-дискурсивного пространства, но и ответить на актуальные вопросы, связанные с процессами интеграции традиционных философских концепций в современное социально-идеологическое пространство Китая, а значит - прояснить важные вопросы, связанные с настоящим положением и перспективами развития китайской идеологии и политики.

В рамках рассматриваемой проблемы взаимодействия и взаимовлияния культуры на политический дискурс Китая, особый интерес представляет процесс возрождения традиционных культурно-философских концептов в идеологическом пространстве современной КНР с целью поддержания властного status quo и решения проблем культурно-идеологической легитимации существующего политического режима. В настоящей работе мы предлагаем называть данный процесс *реконцептуализацией*. Необходимым условием понимания природы данного процесса представляется знание реалий культурно-исторического развития Китая на протяжении XX века. Кратко поясним, о чём идёт речь.

Судьба конфуцианского учения на территории материкового Китая в XX веке складывалась не просто. Представители правящей маньчжурской династии Цин целиком приняли конфуцианство во всех его институциональных формах, наследованных от предыдущих династий. В первой половине XX века отдельное развитие получают два направления имплицитно опирающихся на идеи неоконфуцианства: рационалистическое неоконфуцианство Фэн Юланя (Feng Youlan), а также идеалистическое неоконфуцианство Сун Шили (Xiong Shili).

Некоторые исследователи китайской философии XX века склонны признавать Фэн Юланя (1895-1990) самым выдающимся китайским философом XX века (См. например Wing-tsit, 1969). Сформированная им концепция «Ли

Сюэ» базируется на трёх принципах. Первый – «Ли» как первоосновной принцип, «поскольку вещи существуют, должны существовать и образующие их принципы» (Feng, 1930: 205). Второй - «Ци» как материальная сила: «если существует принцип, должна существовать и материальная сила, дающая ему бытие» (Feng, 1933: 68). Третий - «Дао» как материя (концептуальную первооснову данному термину придают работы ранних неоконфуцианцев (См. например Chou Tun-I An Explanation of the Diagram of the Great Ultimate, ch28, sec.1), а также концепция «Великого единства» (последнее представляет собой основную цель бытия, заключающуюся в познании, совершенствовании своей природы, а также в служении небу, и реализуется в форме «Жень» - великого гуманизма. Философская концепция «Ли Сюэ» представляла собой реконструкцию элементов ортодоксальной конфуцианской философии посредством идей неоконфуцианства эпохи Сун, инкорпорирующую также элементы даосизма, западного реализма и логики. Попытка трансформации конфуцианских ценностных концептов в логическую систему представляет собой по сути реформацию традиционного неоконфуцианства.

Однако, в 1950 году Фэн Юлань в публичном выступлении отказался от своих ранних идей, признавая превосходство марксистско-ленинской теории над идеями конфуцианства, даосизма и буддизма и сравнивая первую и вторые, как «*современную и средневековую медицины*» (Feng, 1950: 11).

Другой крупный китайский философ XX века - Сунь Шили (1885-1968) начинал свою карьеру в качестве революционера-борца за свержение Цинской династии (Подробнее см.: http://www.britannica.com/eb/article-9041306/Hsiung-Shih-li). Однако в двадцатые годы XX века он удалился от революционной борьбы и целиком посвятил себя философским исследованиям. Работа над оригинальной онтологической концепцией велась исследователем на слиянии буддизма, конфуцианства, а также некоторых идей западной философии. В результате в работе «Синь вэй ши лун» (Xin wei shi lun), опубликованной в 1944 году, автор представляет разработку философской теории единой динамической вселенной характеризующейся непрерывностью двух взаимосвязанных процессов производства и воспроизводства – «закрывания» и «открывания». Одним из центральных аспектов процесса непрерывного «закрывания» вселенной является материя. В свою очередь, сознание представляет собой аспект открывания вселенной. При этом оба эти аспекта – и материя и сознание фактически представляют собой элементы единого процесса, в котором «первичная материя» представляет собой «первичное сознание». Первичное же сознание концептуально реализуется посредством конфуцианского термина «Жень» (человеколюбие), замыкая, таким образом, онтологию авторской философской концепции.

Таким образом, становится очевидным то, что начало двадцатого века в Китае характеризовалось бурным развитием философских идей, переосмыслением неоконфуцианской, даосской и буддистских философских традиций, попытками адаптации западных философских учений к китайским культурно-политическим реалиям. Несомненным представляется и значение культурно-философских концепций для китайской политики, важнейшую роль

здесь играет институт «история – политика» одним из главных черт которого является традиционно-высокое значение историко-культурных и философских реалий для политики страны. Как отмечает Л.С. Переломов «…*когда политик в своих контактах с народом обращался к истории, используя, как правило в качестве аргумента исторический факт или концепцию древнего философа, особенно Конфуция, он встречал всегда подготовленную аудиторию*» (Переломов, 2000: 233).

Создание 1 октября 1949 года Китайской Народной Республики ознаменовало начало процессов смены философских парадигм, а также начало борьбы за установление марксистско-ленинской идеологии (во многом в её сталинской интерпретации) в качестве основной философии нового государства. Апогеем этой борьбы стала предпринятая в 1972-76 гг. кампания под названием «Критика Конфуция и Линь Бяо» под предводительством философа Ян Юнго, за спиной которого, по мнению Л.С. Переломова, стоял сам Мао Цзэдун (Переломов, 2000: 230).

Вслед за критическими статьями Ян Юнго на конфуцианство обрушился шквал «революционной» критики. В 1976 году в издательстве иностранной литературы КНР вышел сборник статей под названием «Рабочие, крестьяне и солдаты – критикуйте Конфуция и Линь Бяо!». Во вступительной статье редактор отмечает: «*Конфуций представлял собою реакционера, который словно собака защищал рабство, и чьи доктрины были использованы всеми реакционерами древности и современности в Китае и за рубежом на протяжение более чем 2000 лет. Буржуазный карьерист, ренегат и предатель Линь Бяо был приверженцем Конфуция и как все реакционеры в китайской истории, обратился к его учению с целью опровергнуть учение Школы Легистов и дискредитировать фигуру Цин Шихуана, первого императора династии Цин (221-207 днэ). Он использовал доктрины Конфуция и Менция в качестве идеологического оружия для узурпации партийного лидерства, захвата государственной власти и реставрации капитализма в Китае* (перевод мой - *Е.П.*)» (A collection ..., 1976).

Под напором социалистической идеологической машины концепты и ценности конфуцианского учения перемещались из сферы политического дискурса в более глубокие «осадочные» слои культуры. Со смертью председателя Мао и низложением радикальной «банды четырёх» началась поэтапная реабилитация конфуцианской традиции. Здесь необходимо подчеркнуть, что речь идёт не о разовом действии, а о медленном поэтапном процессе, основная идея которого заключается в уходе от конфликта между реабилитируемыми конфуцианскими и властными социалистическими ценностями. До конца девяностых годов XX века конфуцианство на материковом Китае продолжало существовать, главным образом, в форме ценностных культурных концептов, частично реализуемых в институциональных дискурсах социального поля. Центром конфуцианства на это время становится Тайвань, а также другие страны так называемого «конфуцианского культурного ареала» – Япония, Южная Корея и другие.

Пережив в ходе XX века ряд серьёзных потрясений, изменив форму и принципы государственного устройства, Китай испытал и продолжает испытывать сложные культурно-идеологические трансформации. В культурно-ценностном аспекте здесь формируется сложнейшая многоуровневая система,

включающая идеологические ценности социалистического строя, новые буржуазные ценности с ориентиром на западные страны, а также возрождаемые историко-культурные традиционные ценности, значение которых возрастает по мере того, как Китай, развиваясь, возвращает свои позиции крупнейшего культурного центра Дальневосточного региона.

Рассматривая специфику процесса реконцептуализации в современном Китае, мы предлагаем рассматривать временной период, начавшийся в ноябре 2002 года в качестве современного культурно-идеологического среза. Именно в ноябре 2002 года XVI Конгресс Коммунистической партии Китая ознаменовал переход, характеризующийся, по мнению современных исследователей–политологов, как «*самая масштабная смена власти в истории коммунистического Китая* (перевод мой - *Е.П.*)» (Yun-han Chu, 2004: 1).

XVI Конгресс ознаменовал первый в истории Китая плавный переход власти к так называемому «четвёртому поколению» китайских лидеров во главе с Председателем КНР Ху Цзиньтао. Передача политической власти в руки относительно молодого поколения китайских реформаторов привела к значительным изменениям в идеологической и культурной сферах внутри КНР. Анализ кризисных характеристик исследуемого этапа свидетельствует о наличии двух противоречивых тенденций, лежащих в основе растущего разрыва между социалистической идеологией и капиталистической формой ведения хозяйства. С одной стороны, речь идёт о стремлении правящего режима КНР к стабилизации и консервации идеологической и политической системы, с другой - о том давлении, которое оказывает на систему развивающаяся рыночная экономика совокупно с культурным влиянием извне посредством средств массовой информации.

В этих условиях идеология КНР адаптирует и использует конфуцианские концепции в качестве своеобразного идейного моста, который способен служить не только интегрирующим началом, но также стабилизировать ситуацию усугубляющегося идеологического кризиса и стать легитимирующей культурно-философской основой современной китайской идеологии. В обращении от 11 октября 2006 председатель КНР Ху Цзиньтао призвал страну к смене доктринальных приоритетов и переходу от концепций ускоренного экономического роста, к концепции, сориентированной на преодоление растущих противоречий в социальной среде (http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/t263865.htm). Ратифицированная китайским руководством концепция гармоничного социалистического общества (Хэ Се Шехуэй) является ярким примером использования традиционных конфуцианских ценностных концептов на службе современной китайской идеологии. Данная концепция получила свое название из сферы классической конфуцианской терминологии и требует более подробного рассмотрения в данной работе.

Концепт Хэ Се (和谐hexie), переводящийся на русский язык как «гармония» в исторической перспективе может быть рассмотрен в связи с концептом «Хэ» 和 (he), или «Тай Хэ» 太和 (taihe). Последний фиксирует понятие гармонии в

процессе единения разнородных начал (в отличие от подобия или идентичности, не формирующих истинной гармонии). В указанном значении термин начинает употребляться в эпоху Западного Чжоу (См.: Sayings of the States…) и, развиваясь, становится одной из центральных ценностных позиций учения Конфуция.

Понятие гармонии как ценности встречается и у даосов. Характерно, что в данном случае конфуцианское понятие гармонии как свободного единения разнонаправленных начал выражается в концепции диалектики основополагающих сил Вселенной с сохранением идеи их изначально несходной свободно определяющейся природы. Как отмечает Чжан Тайнинь, начиная с Лаоцзы, термин «Хэ» сохраняет концептуальное значение согласия как неконфликтности (Dainian, 2002: 273). Политико-идеологические преобразования в современном Китае послужили причиной акцентуализации концепта «Хэ Се» (和谐hexie), означающего понятие гармонии в узко-прикладном смысле гармонии взаимоотношений.

Осуществление политики «Гармонизаци общества» (和谐社会) в современном КНР основывается на идеологической актуализации широкого круга ценностных понятий традиционной китайской культуры. Центральным из них является рассматриваемый концепт «Хэ Се», фундирующий на основе процессов легитимации политику, проводимую под идеологической эгидой достижения гармонии в современном китайском обществе. На XVII Съезде КПК председатель КНР Ху Цзинтао в частности отметил в своей речи: *«После XVI съезда мы… продолжали свое теоретическое и практическое новаторство, обращали особое внимание на стимулирование научности развития и социальной гармонии…»* (http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2007-10/24/content_511582.htm от 3.01.08). Подобная концептуальная трансформация представляет собой в частности, масштабный процесс внедрения традиционных китайских философских и конфуцианских в том числе ценностей в политический дискурс современного Китая.

Другим ярким примером реконцептуализации является возрождение концепции научности и образованности «цзяо юй», как источников легитимности власти нынешнего китайского руководства. В докладе 15 октября 2007 года на XVII съезде КПК председатель Ху Цзиньтао неоднократно подчеркивает, что опора современной власти имеет твердую научную основу: *«…руководствуясь теорией Дэн Сяопина и важными идеями тройного представительства, углубленно претворяя в жизнь научную концепцию развития, продолжая раскрепощать сознание, твердо держась реформы и открытости, ускоряя развитие на научной основе и стимулируя социальную гармонию, бороться за новую победу в деле полного построения среднезажиточного общества…»* (http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2007-10/24/content_511579.htm).

По данным, приводимым в работе «The new generation of leadership and the Direction of Political Reform after the 16th Party Congress» (Yun-han Chu, 2004: 12), новое (так называемое «четвёртое») поколение китайских лидеров, пришедшее к власти в результате решений, принятых на XVI Конгрессе КПК в ноябре 2002 г., обладает в целом более высоким уровнем образования по сравнению со своими предшественниками. Если расценивать обучение в Высшей Школе Партии как

получение образования, то все 24 члена Политбюро ЦК КПОК имеют высшее образование. Если учитывать только образование, полученное в вузах, то из 24 членов Политбюро ЦК высшее образование имеет 21 из 24, по сравнению с 17 из 24 в предыдущем составе Политбюро ЦК КПК. При этом, все девять членов, входящие в Постоянный Комитет Политбюро ЦК КПК, имеют высшее инженерно-техническое образование (что позволяет говорить о наличии в стране технократического характера верховного руководства). В целом, по официальным данным, 98.6 % членов ЦК КПК (180 человек) имеют высшее образование. Исследователи отмечают, что тенденция к повышению внимания к образованности высшего руководства страны, несомненно, связана не только с идеей научно-технологического прорыва, но и с желанием властей использовать традиционный пиетет китайского народа к образованности и науке в целях повышения уровня легитимности современной системы правления в Китае.

Одновременно, с реинтеграционными процессами в сфере «осадочных» дискурсов культуры имеют место и процессы идеологической реактуализации конфуцианского учения в структуре международных отношений Китая. Здесь речь идёт, прежде всего, о создании международной системы Институтов Конфуция, по сути, представляющих собой культурно-языковые центры для тиражирования элементов китайской культуры за рубежом. Положение об институте Конфуция гласит: «*Созданный с целью развития дружеских отношений с различными государствами, а также с целью ознакомления других народов с культурой и языком Китая, национальный комитет по преподаванию китайского языка как иностранного учреждает Институт Конфуция для реализации задач по обеспечению преподавания китаистики в странах имеющих для этого условия и потребности* (перевод мой – *Е.П.*)».

Необходимо отметить, что Конфуций при этом рассматривается не через призму своего учения, а скорее, как персоналия, личность, своеобразный «бренд» широко известный за пределами Китая: «*Конфуций известный в истории Китая мыслитель, просветитель и философ. Его доктрины оказали влияние на философию в мировых масштабах. Название института в его честь символизирует богатство и древность китайского языка и культура, а также воплощает идею интеграции китайского языка и культуры в мире в новом столетии* (перевод мой - *Е.П.*)» (http://english.hanban.edu.cn/market/HanBanE/412360.htm).

Заключение

Таким образом, процесс выхода КНР на уровень развитых мировых держав сопровождается усложнением идеологической ситуации. Последняя характеризуется кризисными противоречиями в структуре политического дискурса, выражающимися в расширяющемся идеологическом разрыве между поляризующимися концепциями социалистического строительства, рыночной хозяйственной экономикой, социалистической идеологией и традиционной и западной культурами. Наличие этих тенденций стимулирует процессы социального расслоения и имущественного неравенства, что, в свою очередь, становится очагом растущего социального напряжения. В этих условиях идеологический аппарат КНР обращается к традиционным ценностям китайской

философии как к своеобразному материалу, способному зацементировать растущую идеологическую брешь, и, таким образом, снизить социальное напряжение в стране. Характерной чертой процессов возрождения конфуцианских философских концепций является реинтеграция ценностных концептов, их инкорпорирование в современный политический дискурс КНР.

Другим феноменом реконцептуализации является политика распространения китайской культуры за пределами Китая с помощью финансируемых китайским правительством Институтов Конфуция, открываемых по всему миру. Подобную культурно-идеологическую ситуацию преждевременно, на наш взгляд, рассматривать как процесс активного возрождения самого конфуцианства в материковом Китае, речь здесь идет скорее об идеологическом применении потенциала легитимности, содержащегося как в ценностных концептах, так в самой фигуре Конфуция, используемой, в данном случае, в качестве всемирно известной марки для создания системы тиражирования китайского языка и культуры за рубежом.

(2008 г.)

Список литературы:

A collection of articles. Workers, Peasants and Soldiers – Criticize Confucius and Lin Piao. Foreign Language Press, Pekin, 1976.

Chou Tun-I An Explanation of the Diagram of the Great Ultimate, ch28, sec.1

Dainian, Zh. Key concepts in Chinese Philosophy. – Beijing: Foreign Language Press, 2002. – 532p.

Feng Youlan I discovered Marxism-Leninism. People's China, 1, 1950, no.6.

Feng Youlan Spirit of Chinese Philosophy, 1930

Feng Youlan Xinli Xue 1939

Sayings of the States, 16, Sayings of Zheng, pp. 515-516.

Wing-tsit Chan A source book in Chinese Philosophy, Princeton, New Jersey, Princeton University press.

Xinong Shili New Doctrine of Conciousness-Only, Shanghai,1944

Yun-han Chu, Chih-cheng Lo, R.H. Myers The 16th Party Congress: New Leaders, New China\\The new Chinese leadership: Challenges and opportunities after the 16th Party Congress. Cambridge University Press., 2004.

Бергер Я.М. Большая стратегия Китая и место в ней России.\\ XXXVI научная конференция «Общество и государство в Китае», М.: Восточная литература РАН, 2006. - С.132-138.

Переломов Л.С. Конфуций Лунь Юй., М.: Восточная литература РАН, 2000. – 589с.

Торкунов А.В. Вступительная статья // Китай в мировой политике. – М.:МГИМО(у), 2001. – С.1-11.

Егор Викторович Переверзев – кандидат философских наук